

Исследования

Кэрролл, «Alice in the Wonderland».
«Алиса» для детей – повесть, полная необычайных приключений, удивительных героев, забавных стишков и неожиданных поворотов действия, вполне понятных и приемлемых в сказочном царстве.
«Алиса» для взрослых – это второй за романом Джеймса «Finnegan's Wake» шедевр, ведущей мыслью к-рого является анализ феномен. сознания, погружённого в сон.

Исследования

Р. Г. Назиров — Утро в городе Солнца

Р. Божич

Задарский университет (Хорватия)

Вячеслав Шестаков подчеркивает, что мы сегодня «переживаем ренессанс русских утопий и русского утопизма»¹, который в прошлом игнорировался западными исследователями, потому что «сто лет назад существовало представление, что в России вообще не существовало утопий, или же они занимали ничтожное место в мировой литературе»².

Насколько утопия как жанр в теоретической литературе была маргинализована, говорит и то, что в истории русской литературы Рейнхарда Лауэра мы едва можем найти что-либо о писателях, которые развивали этот жанр в России и даже о самом жанре. Например в этой книге не упоминаются ни Вивиан Итин (*Страна Гонгуру*, 1922), ни Яков Окунев (*Завтрашний день*, 1924), ни В. Никольский (*Через тысячу лет*, 1927) ни Е. Зелликович (*Следующий мир*, 1930) или Ян Ларри (*Страна счастливых*, 1931), а «великие писатели» часто не упоминаются как авторы жанровых произведений.

Это не только отрицает весь жанр, но и тот факт, что он был интересен и писателям, которые не являлись в первую очередь жанровыми (например Достоевский). Не видно, что такие тексты были прочитанными, насколько они участвовали в диалоге между писателями.

Причину этому Шестаков видит и в том, что из-за идеологических и цензурных причин в прошлом в России были известны буквально несколько произведений утопического характера. Но список русских утопических произведений, написанных в течение XVIII–середины XX века, как подчеркивает Шестаков, насчитывает более 50 произведений — часто высокого качества (много выдающихся современных утопических авторов, как Оруэлл или Хаксли, находились под сильным влиянием русских утопий)³. Дарко Сувин, канадский литературный критик и социолог литературы хорватского происхождения, первым (на «Западе») в 60-х начал писать о богатой русской утопической литературной традиции. Сувин указывает, что традиция утопизма до революции была слабой, и что ее «создавали героические индивидуумы, которые за это платили высокую цену»⁴. Россия была отстающей страной с плохо развитыми природными науками, и давление со стороны правительства было слишком жестким, чтобы такой жанр действительно мог развиваться в полной мере.

¹Шестаков, В. П. Утопия как проблема российской ментальности // Международный журнал исследований культуры. 2012. 4(9). С. 6–9.

²Там же. С. 6.

³Там же.

⁴Suvin D. *Metamorfoze znanstvene fantastike*. Profil. Zagreb, 2010. S. 352.

Но ясно, что он постоянно присутствовал, даже если считался второсортным. Как подчеркивает С. В. Поттс, когда говорит о развитии русской научной фантастики, «как и в Западной Европе, первые проблески научной фантастики в России восходят к фантастическим путешествиям, утопическим идеям и политической сатире, а зачастую — к комбинациям этих трех типов»⁵.

После Октябрьской революции в 1920-х годах жанр получил сильный импульс в новых исторических обстоятельствах, когда революционный режим, уделяющий внимание индустриализации и современной науке, повел общество в новое утопическое будущее. Как подчеркивает Поттс, «Ленин, будучи сам большим любителем утопической литературы, видел в научной фантастике метод популяризации целостной идеи радикального политического и технического преобразования. Под его активным покровительством научная фантастика бурно расцвела в СССР 1920-х годов»¹. Так, как утверждает Поттс, с «едва 25 оригинальными вещами русской научной фантастики, появившимися в двадцатилетний период до 1917 года, в последующее десятилетие их появилось больше в 6 или 7 раз»². И Д. Сувин тоже приводит список из нескольких десятков текстов того типа и того времени. Утопии в трудных обстоятельствах (долгая гражданская война, проблемы перехода на новые формы экономики — не всегда рациональные) и т. д. стремились показать мир будущего. Хотя большая их часть представляла собой «оптимистические утопии, демонстрирующие будущий мир классического-бесклассового-мира по Марксу»³, они часто не были апологетическими текстами, которые только славил советское правительство. Многие из них случайно или намеренно затронули и проблемы «настоящего» (или даже возможного будущего, как Ян Ларри, например), что вскоре привело весь жанр под угрозу со стороны власти. Когда Сталин пришел к власти, «ряды фантастов были существенно прорежены тюрьмами и казнями»⁴. Сталин «ужал фантастику до рамок детского беззубого жанра»⁵, подчеркивает Поттс. РАПП начал мощную кампанию против научной фантастики как вредного жанра и сумел почти полностью приостановить выход таких книг⁶. Как утверждает Сувин, в 1927 (который Сувин считает годом кульминации) году вышло 47 новых книг, в 1931 году было всего 4, а в 1933 и 1934 годах только по одной книге⁷. Но, как подчеркивает С. С. Шаулов, в начале 1960-х фантастика была официально легитимизирована⁸, и новелла Назирова восходит ко времени, когда началась новая волна русской научной фантастики — в которую мы включаем и утопический дискурс.

⁵ Там же.

¹ Поттс С. В. Второе нашествие марксиан: Беллетристика братьев Стругацких http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2150.shtml

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Suvin D. *Metamorfoze znanstvene fantastike*. Profil. Zagreb, 2010. S. 367.

⁷ Там же.

⁸ Шаулов С. С. Черты утопии и дистопии в рассказе Р. Г. Назирова «Утро в городе Солнца» // Назировский архив 2014. № 3. С. 162.

Сегодня о русском утопизме существует довольно обширная литература (Д. Сувин, В. Шестаков, Б. Ланин, Л. Бугаева, А. Файзрахманова, С. В. Поттс и др.), хотя, конечно, никак нельзя сказать, что о теме все сказано.

Говорить о фантастической новелле «Утро в городе Солнца»¹ Р. Г. Назирова значит говорить о тексте, который вписывается в длинную традицию русского утопизма.

С. С. Шаулов подчеркивает, что эта небольшая публикация представляет собой бессюжетный утопический очерк и что текст сыграл важную роль в биографии Назирова². Он был опубликован в 1961 году в газете «Ленинец» (ныне «Молодежная газета») в связи с программой КПСС, от 26 июля 1961 г. и в связи с которой Н. С. Хрущёв дал обещание: «Не только наши потомки, а мы с вами, товарищи, наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»³

С. С. Шаулов проанализировал, почему утопия Р. Г. Назирова привела к тому, что его сделали «антисоветским элементом»⁴, хотя рассказ «Утро в городе Солнца», как подчеркивает Шаулов, обнаруживает явное родство с типичными образцами советской утопии 1940–1960-х годов. Можно сказать, что и не только с типичными образцами советской утопии 1940–1960-х годов. Например, персонаж Последнего Командора типичный пример старения в утопическом дискурсе вообще. В утопическом дискурсе люди долго сохраняют свое здоровье, энергию...⁵ Вот как Назиров описывает Последнего Командора:

«...большое бронзовое тело мужчины. Увидев её, он разжал руки на высоте шести метров и, описав плавную дугу, красивоприземлился на упругий пол, несколько раз качнувший его. У мужчины были глазастального цвета, ласковый рот и совершенно белые волосы»⁶.

Как утверждает и Б. Орехов, малая проза Назирова «более традиционна; в ней возможны интересные находки на стилевом уровне или в деталях, но общая сюжетная схема чаще банализирована»⁷. Можно согласиться с Б. Ореховым, что для Назирова деталь становится стилеобразующим компонентом⁸.

Интересно, что Назиров выбрал форму новеллы, которая вероятно, не очень распространена среди утопических сюжетов. Однако сам выбор такой короткой формы дал Назирову возможность избежать в какой-то мере схематизма, который, как считает Глебов-Путиловский, присущ утопиям⁹. Вопреки многим утопическим текстам, которые в деталях описывают общества будущего, Назиров, свое изображение идиллического, утопического будущего представляет минималистским способом. Или, как бы сказал Замятин, говоря

¹Р. Г. Назиров Утро в городе Солнца. Фантастическая новелла // Назировский архив. 2013. № 2. С. 94–96.

²Там же. С. 157.

³Там же. С. 158.

⁴Там же.

⁵Bozic R. Ageing in Soviet Utopian and Dystopian Literature // Gramshammer-Hohl D. Foreign Countries of Old Age, в печати.

⁶Назиров Р. Г. Утро в городе Солнца. Фантастическая новелла // Назировский архив. 2013. № 2. С. 96.

⁷Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 28.

⁸Там же.

⁹Глебов-Путиловский Н. Н. Предисловие // Ларри Я. Страна счастливых. С предисловием Глебова-Путиловского. Л., 1931.

о поэтике XX века: «Ни одной второстепенной черты, ни одного слова, какое можно зачеркнуть: только суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую секунды, когда собраны в фокусе, спрессованы, заострены все чувства»¹⁰. Т. е. внимательному читателю не требуется пояснение, чтобы восстановить происходящее, читатель «активно» участвует в «написании» текста.

Поэтому даже сегодня его текст звучит очень современно, и хотя текст написан около пятидесяти лет назад, ничто написанное в тексте не устарело. То, о чем мыслители и фантазеры прошлого думали, мы действительно проживаем сегодня: «гигантские солнечные батареи города», «с плоских крыш взлетают маленькие летательные аппараты» (пока только очень дорогие, но все-таки), «на больших стенных экранах и на тысячах маленьких телеприёмников появляются приветливые лица дикторов последних известий», «раздвижные стены домов»¹. Ситуация, когда маленькая лакированная коробка телеприёмника стоит на песке дорожки, очень напоманет на ситуации сегодня, когда мобильные телефоны, как маленькие коробки из которых слышна музыка, лежат почти у каждого молодого человека. Способ описания «известного будущего» таков (лаконичен), что факт, что для сегодняшнего читателя это уже не утопическое а повседневное явление не мешает восприятию текста как текста о утопическом будущем. Элементы утопического будущего, а которых мы сами ещё фантазируем: «центральный озонатор нагнетает в воздух утреннюю порцию озона», «создание искусственной климата в Антарктике», «Лунные гастролы всемирного театра», «проходка Большого Гималайского тоннеля» и для современного читателя делают текст актуальным, особенно потому, что на главный вопрос текста-почему люди убивали(-ют) друг друга мы до сих пор не ответили.

В настоящем тексте мы не рассматривали вопрос, почему советская критика и цензура оценили текст как враждебный политике СССР. Об этом уже написал С. С. Шаулов². Конечно, картина прошлого (советского настоящего) в новелле не восхваляющая, если учитывать, что продолговатые стеклянные сосуды которыми был устлан пол бункера прошлого, когда то содержали алкоголь. Но то, что мог писать Маяковский, что для его времени было нормой (борьба с алкоголизмом), во время Назирова уже должно было быть преодолено.

Мы обратили внимание на место рассказа в длинной традиции русского утопизма. Новелла входит не в группу советских апологетических утопий, а именно в группу критических утопий из-за чего и возникли проблемы с оценкой новеллы во время ее издания. С точки зрения поэтики Назиров следит за замятинской поэтикой минимализма, особенно обращая внимание на концовку. Как сам Назиров подчеркивает: «Поэтика финала — это великая тайна искусства»³. Главный вопрос новеллы заключен именно в последнем предложении, а так как этот вопрос до сих пор не решен и представляет важный вопрос и так как по-

¹⁰Замятин Е. И. О синтетизме // <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/o-sintetizme.htm>

¹Назирова Р. Г. Утро в городе Солнца.

²Шаулов С. С. Черты утопии и дистопии в рассказе Р. Г. Назирова «Утро в городе Солнца» // Назировский архив 2014. № 3. С. 162.

³Назирова Р. Г. Уфимские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 4. С. 4.

этика минимализма хорошо укладывается и в современную литературу, рассказ Назирова можно и сегодня читать как актуальный текст и с точки зрения тематики, и с точки зрения поэтики.

